

Леонид Люкс*

Был ли распад СССР неизбежен? Замечания по поводу одного спора**

Несмотря на то, что Михаил Горбачев и борцы за «управляемую демократию» в нынешней Москве воплощают почти противоположные традиции в политической культуре России, есть все же пункт, в котором они едины: Советский Союз, по их мнению, был вполне жизнеспособен, а его роспуск представляет собой волюнтаристский акт. Горбачев видит главного виновника распада Советской Федерации в своем внутривнутриполитическом противнике Борисе Ельцине: «(Российское) руководство тяготеет Центром», – сказал Горбачев в своем интервью 12 декабря 1991 года¹. В воспоминаниях, опубликованных в 1995 году, он добавил: «Решающим фактором распада СССР явилось поведение не Прибалтики, а России»².

Администрация Обамы копирует в отношении России политику Рональда Рейгана?

Но для команды Путина виновным в том, что вторая по силе мировая держава вынуждена была сойти с политической арены, является «вечный враг России» – Запад. В таком смысле высказался недавно близкий к Кремлю политолог Сергей Караганов. Для него политика администрации Обамы в отношении России – это копия политики Рональда Рейгана, преследовавшего цель «(развала) СССР. Тогда была Польша с "Солидарностью" (...). Теперь – Украина. (...) Снова попытка снизить нефтяные цены (...). В рейгановские времена – "империя зла" и санкции. Теперь – безудержная сатанизация образа Путина и нескрываемая нацеленность (...) на (...) "смену режима"»³.

* историк, Католический университет г. Айхштетт, Бавария; научный руководитель Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

** Расширенная версия статьи, ранее опубликованной на немецком языке в интернет-журнале *The European* (10 февраля 2015).

¹ В Политбюро ЦК КПСС: по записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). М., 2006. С. 738.

² Gorbatschow M. *Erinnerungen*. Berlin, 1995. P. 503.

³ Караганов С. Переломный год: предварительные итоги // Русская мысль. 2015. № 1. С. 20-21.

Но оба заявления, как Горбачева, так и Караганова, совершенно не убедительны. Причины распада Советского Союза заключались не в волюнтаризме каких-то определенных политиков, а в глубинных процессах, наметившихся уже давно. Многие наблюдатели на Востоке и на Западе указывают на взрывную силу национальных движений на окраинах СССР, которые существенно ускорили процесс распада Советского Союза. Но все же нерусские народности едва ли были в состоянии в одиночку привести к распаду империи.

В своей борьбе против коммунистического Левиафана они нуждались в мощном союзнике, которым могла стать лишь сама Россия — сердце империи. Здесь речь идет не только о российском руководстве во главе с Борисом Ельциным, как это утверждает Михаил Горбачев, а о широких слоях российского населения. Без отказа самой активной части российского общества от доктрины, которая идеологически легитимировала Советскую Федерацию, отделение нерусской периферии от центра было бы немыслимо.

Уже царская империя развалилась потому, что народ перестал ее поддерживать

До некоторой степени процессы 1989-1991 года сходны с процессами в 1917 году. Распад царской империи был возможен только потому, что широкие массы российского населения отвернулись от тогдашней правящей системы. Устрашающая пустота, окружавшая царский трон во время революции 1905 года и в феврале 1917 года, показала, что династия Романовых потеряла какую бы то ни было опору у своих подданных. Не удивительно, что царский режим оказался самым слабым звеном в цепи воюющих держав и развалился первым, не справившись с вызовами первой мировой войны.

Спустя 70 лет, когда Михаил Горбачев попытался демократизировать страну и отказался от догмы о непогрешимости КПСС, оказалось, что коммунистическая идея, придававшая легитимность возникшему в октябре 1917 года советскому государству, была дискредитирована в глазах большинства населения так же, как и вера в царя в начале 20-го века. Когда 19 августа 1991 года коммунистические догматики попытались остановить процесс реформ и насильно повернуть вспять колесо истории, они потерпели полное поражение, и это несмотря на тот факт, что они неограниченно контролировали все рычаги власти в стране. В отличие от 1917 года, они чувствовали, однако, что история не на их стороне.

«Революции становятся неизбежными, если власть вызывает уже не страх, а смех и презрение»

Утрата веры в собственные идеалы и в историческую легитимность собственной власти парализовала доселе несокрушимую волю к власти коммунистов. Трясущиеся руки формального главы ГКЧП Геннадия Янаева на пресс-конференции 19 августа 1991 года символизировали нечистую совесть заговорщиков. Вновь вытащенный на свет старый коммунистический жаргон звучал после шести лет гласности так, как будто заговорило привидение.

Русский историк и политический деятель Павел Милуков однажды заметил, что революции становятся неизбежными тогда, когда активность авторитарных правителей вызывает уже не страх, а только насмешку и презрение. Исходя из этого, 19 августа 1991 года революционная ситуация была налицо. Коммунисты выглядели такими же беспомощными, как в свое время их демократические оппоненты, которых они с такой легкостью прогнали с российской политической сцены в октябре 1917 года.

Один из главных действующих лиц большевистского переворота в октябре 1917 года, Лев Троцкий, цитирует в своей *Истории русской революции* французского писателя Клода Ане, который сказал, что правительство Керенского было свергнуто еще до того, как оно само это заметило. Нечто подобное можно сказать и о Государственном комитете по чрезвычайному положению, который был создан путчистами 19 августа 1991 года.

Распад Советского Союза как «коварный заговор»?

Обо всех этих перипетиях в кругах нынешних российских «национал-патриотов» никто не хочет вспоминать. Они торжествуют по поводу включения Крыма в РФ. Для них это событие представляет собой первый шаг на пути как минимум частичного пересмотра результатов встречи в Беловежской Пуще в декабре 1991 года, принявшей тогда решение о роспуске Советского Союза. Они рассматривают эту встречу как коварный заговор заклятых врагов Российской империи, которые стремились разрушить Россию как великую державу по указке Запада. Эта легенда об «ударе ножом в спину» имеет поразительное сходство с той, которая возникла в Германии сразу после окончания Первой мировой войны и сильнейшим образом отравила политическую культуру Веймарской республики.

Российские «национал-патриоты», точно так же как и правые круги в Веймарской республике, не могут смириться с утратой гегемониальной позиции своей империи. Крах обеих империй изображается как результат рафинированной интриги западных демократий. Якобы в «открытой и честной» борьбе западные

страны не могли победить своих противников. Поэтому они прибегли к «коварным» средствам психологической войны. Развернув пропаганду так называемых «западных ценностей», они-де сначала выхолостили советский колосс, а затем и свалили его. При этом ни словом не упоминается, что Советский Союз со своей стороны десятилетиями пытался подорвать западные демократии с помощью коммунистической пропаганды.

Этот подход с двумя разными мерками еще раз напоминает аргументацию правых в Веймарской республике. Они так же морализировали и возмущались психологической войной, которую вели западные страны, особенно их пропагандой пацифизма. Но забывали при этом, что немецкое Верховное командование использовало в 1917 году точно такой же метод, когда оно организовало для Ленина проезд через Германию в Россию, и впоследствии всячески поддерживало его антивоенную пропаганду.

В имперской программе Путина отсутствует интернационализм

Но вернемся обратно, к борцам за имперский ренессанс в современной России. Демонизируя беловежскую встречу, они недооценивают тот факт, что у советской империи не было шанса пережить КПСС, потерявшую власть и полностью дискредитировавшую себя после августовского путча. Ибо Советский Союз мог существовать, только опираясь на идеологию пролетарского интернационализма. Крах КПСС, которая была носителем этой идеологии, стал, в сущности, последним ударом для СССР, ибо вместе с ней исчезли важнейшие мировоззренческие и организационные скрепы, сохранявшие до тех пор целостность Советского Союза.

Владимир Путин, который в апреле 2005 года назвал распад СССР «величайшей геополитической катастрофой 20-го века», по всей видимости стремится к тому, чтобы восстановить советскую империю, хотя бы в новом облики. Однако его неоимперский проект в корне отличается от советской модели, а именно, его руссоцентризм. Несмотря на то, что большевизм все больше и больше русифицировался, его интернационалистическая составляющая все же никогда не переставала накладывать свой отпечаток на его сущность, даже в сталинскую эпоху. Все восхваления русской нации идеологами большевизма всегда сопровождались одним «но». Эти идеологи отдавали себе отчет, что «русская идея» абсолютно недостаточна для того, чтобы служить единственной скрепой для более чем сотни народов, населяющих советскую империю. А что касается бесчисленных симпатизантов Советского Союза на Востоке и на Западе, то они поддерживали Москву в первую очередь потому, что она была центром «мировой революции», а не потому, что она провозглашала универсальное значение русскости. Чтобы соответствовать всем идеологическим вызовам, советские вожди,

невзирая на их склонность к руссоцентричному мышлению, вынуждены были сохранять свое «интернационалистическое» лицо.

В имперской программе Путина, напротив, интернационалистическая составляющая почти полностью отсутствует. И это невзирая на его флирт с правыми и левыми популистами в Европе и его заигрывания с идеями евразийства. Имперский конструкт, к созданию которого он стремится, по сути представляет собой увеличенную Россию, опирающуюся за пределами Российской Федерации прежде всего на русскую диаспору. Не удивительно, что этот проект Кремля вызывает большой страх во всем регионе.

Страны созданного при главенстве России Евразийского Союза, такие, например, как Казахстан, испытывают глубокое смятение из-за действий Москвы. Их готовность признавать гегемониальные амбиции кремлевского руководства стремительно уменьшается. И это понятно – на их территориях тоже проживают русские меньшинства, которые в один прекрасный день могут быть инструментализованы Москвой подобно тому, как это делается в Украине.

Таким образом, руссоцентризм обнаруживает себя как в высшей степени шаткий фундамент для имперских планов Путина. Это, между прочим, уже было предсказано в 1927 году Николаем Трубецким, одним из основоположников возникшего в русской эмиграции евразийского движения. Уже в то время он констатировал: время единовластного господства русских в Российской империи ушло безвозвратно⁴.

Перевод с немецкого Ларисы Лисюткиной

⁴ Трубецкой Н. Общевразийский национализм // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 24-60.